

— Нет... Не то... Наверное, есть немного, — смутился Бай Цзыцин.

В дворце он вёл себя беспечно и ничего не боялся, но дома вдруг заколебался.

Если не говорить о принцессе Чанпин, то череда последних событий уже вызвала подозрения у Бай Шу, который даже вызывал его на разговор. Если бы он узнал правду, неизвестно, что бы подумал.

— Ладно, ладно, ветра нет, не надо.

Бай Цзыцин перевернулся на бок, сначала повернувшись лицом к стене, затем снова выпрямился на спине. Он ещё раз убедился в правильности расстояния, прежде чем снова лечь на бок, уже лицом наружу.

На самом деле, в любом случае этого не избежать. Женидьба на Ин Цане тоже, и некоторые другие дела... всё было одинаково.

Бай Цзыцин закрыл глаза и вздохнул.

— Принеси ещё одно одеяло, потоньше. Цзыцин зябко.

Ин Цань в простой белой рубашке подошёл к кровати, но перед тем как евнух Цинь вышел, всё же попросил его принести ещё одно одеяло.

То неритмичное сердцебиение снова начало беспокоить. Бай Цзыцин не открывал глаз, но чувствовал движения за спиной. Ин Цань приподнял край одеяла и лег рядом.

Температура за спиной повышалась с каждым сантиметром, но Цзыцин понимал, что это не только тепло Ин Цаня, но и его собственное.

В комнате на мгновение воцарилась тишина, нарушаемая только дыханием. Свеча у изголовья не погасла, и эта напряжённая неподвижность длилась, казалось, целую вечность. Цзыцин ждал и ждал, но тонкое одеяло так и не принесли. Не выдержав, он резко перевернулся и сел. Повернувшись, он обнаружил, что Ин Цань тоже не спал: он лежал, опершись на затылок, и беззвучно, но беззаботно улыбался.

— Ты чему улыбаешься? На что смотришь?

— Я ждал, когда ты обернёшься, — ответил Ин Цань. — Я гадал, когда ты обернёшься и спросишь «почему».

— ...Ты загадки загадываешь? — прочистил горло Бай Цзыцин. — Я жду одеяло.

— Это моё одеяло.

— Что?

— Ты сказал, что не нужно, а я велел принести ещё одно.

— Но разве не ты привел в качестве предлога то, что я мерзну?

— Да, — с невозмутимым видом ответил Ин Цань, будто у него была сотня причин. — Но это я попросил, и тебе его не дам.

— И не надо мне, если дашь! — Вся смятение и пустота в голове Бай Цзыцина мгновенно исчезли. Он укутался в одеяло, лёг и закрыл глаза, стараясь уснуть силой мысли. Возможно, из-за усталости он незаметно уснул, а на следующий день его разбудил Ин Цань.

Даже после их вечерней перепалки тонкое одеяло всё же оказалось на Цзыцине. Он обычно спал спокойно, но в полудрёме иногда непроизвольно прижимался к Ин Цаню.

Цзыцин потянулся, потирая глаза, и, собравшись с духом на осеннем ветру, поднялся, чтобы отправиться на поклон к принцессе Чанпин.

Во время завтрака все в доме Бай уже знали, что Цзыцин получил «привилегию». Больше всех радовалась Бай Нянь: она восторженно вскрикнула и чуть не упала со стула, за что получила выговор от второй жены.

Хотя процесс и результат были несколько неожиданными, в конце концов встреча с Цуй Даожунем и Сувэнь прошла успешно. Цзыцин сел в карету и, помахав рукой, попрощался с семьёй.

Однако Цзыцин не мог расслабиться. Хотя у Ин Цаня сегодня не было утреннего приёма, он мог вызвать некоторых причастных к делу людей во дворец для допроса. Столичный экзамен уже прошел, и через пару дней должны были вывесить список сдавших. Цзыцин больше всего беспокоился о том, что некоторые люди ради собственной выгоды могут навредить Чжан Сюню и другим. Безопасность свидетелей стала вопросом первостепенной важности.

По дороге Цзыцин ненавязчиво спросил Ин Цаня о его мнении на этот счёт. Хотя и говорили, что задний двор не должен вмешиваться в политику, Ин Цань не стал избегать темы и открыто ответил.

— Значит, Чжан Сюнь и другие могут иметь двойной статус — свидетелей и кандидатов, и затем попасть на дворцовый экзамен? — нахмурился Цзыцин. — Если впустить их всех во дворец, не скажут ли, что это проявление favouritism?

— Скажут, — ответил Ин Цань. — Но факт в том, что эти шестеро действительно имеют право на участие в дворцовом экзамене, просто в процессе их незаслуженно лишили мест.

— Они с детства усердно учились, приехали издалека, их семьи не в столице, и у них нет покровителей... — голос Цзыцина понизился. Первая часть фразы подходила всем шестерым, но последняя относилась только к Чжан Сюню. — ...Чжан Сюнь случайно встретился со мной, вероятно, услышав, что я вернусь домой второго числа, и привел остальных ждать у ворот. Это действительно редкая смелость и решимость.

Кончики пальцев Ин Цаня постукивали по мягкому ложу.

— Цзыцин, ты пытаешься подуть на меня в пользу своего друга?

— ... — Цзыцин поперхнулся. — Какое подуть? К тому же, я видел его всего два раза, включая этот, так что мы даже не друзья.

— Тогда почему ты так интересуешься этим Чжан Сюнем?

— Я же сказал, у него есть убеждения и способности.

Цзыцин нашёл отговорку, но в душе думал: «Конечно, я больше боюсь, что этот Чжан Сюнь —

твой человек».

— Если ты так его ценишь, почему не обратишься к Бай Цину, чтобы он устроил его на службу?
— равнодушно спросил Ин Цань, будто это был случайный вопрос.

— Это возвращает нас к началу. Во-первых, я не знаком с Чжан Сюнем; во-вторых, мой отец не такой человек.

— Твой старший брат...

— Старший брат, по крайней мере, вышел из известной школы, его статус и знания на высоте. Разве вчера Сюэ Юдин не подтвердил это?

Ин Цань тихо рассмеялся.

— Ты хочешь сказать, что всё сводится к происхождению? Тогда зачем ты защищал тех бедных студентов?

Цзыцин удивлённо посмотрел на него.

— Разве мы можем решать, где родиться? Люди завидуют мне, а я, в свою очередь, завидую им.

— С чего бы? — спокойно спросил Ин Цань. — С момента основания государства семья Бай всегда пользовалась самым щедрым расположением императорской семьи. Благодаря этому, поколение за поколением, в семье Бай появились три канцлера трёх династий, и наследственный титул герцога обеспечивает богатство и процветание всем в доме Бай.

— Ты прав, — горько усмехнулся Цзыцин. Он спросил Ин Цаня:

— Разве люди, получающие что-то с самого рождения, не платят за это цену?

В прошлой жизни он тоже не понимал этого, настолько привык, что действительно считал это своим законным правом.

Ложные обвинения уже не были чем-то новым. Когда он умер, его клеймили как сына предателя. Люди видели только то, что семья Бай получила, но разве они видели, что они отдали?

Потому что он был Бай Цзыцином, он должен был войти во дворец, должен был отказаться от того, чтобы быть Бай Цзыцином, не принадлежащим никому. Эту истину он понял только спустя много времени.

Можно сказать, что когда ты падаешь с небес на землю, увидеть истинные лица окружающих легко, но найти в себе силы поверить в это гораздо сложнее.

— Ин Цань, ты знаешь, о чём думает человек, который не хочет умирать, но вынужден это сделать?

Карета медленно двигалась, и внутри на мгновение воцарилась тишина.

Снаружи как раз проезжали мимо рынка, шум и голоса людей неслись непрерывно, временами слышался топот копыт, который терялся в поднимающейся пыли.

Последний обрывок памяти приходился на пасмурный день в конце апреля, когда было

особенно душно.

В комнате почти не было звуков, он сидел на кровати, погружённый в мысли, пока скрип двери не заставил его обернуться.

В тот день Сяо Цзю вошёл с подносом в руках, и он ещё не осознал, что это его конец.

В то время Бай Цзыцин долгое время страдал от бессонницы. Условия в холодном дворце были ужасными, еды не хватало, и он не мог есть, каждый день умоляя Сяо Цзю принести хоть какие-то новости о семье Бай.

Холодный дворец не был полностью изолирован, и некоторые хотели воспользоваться его падением. Хотя Фан Цзин презирал такие вещи, но были и сторонники Юань Синьи, которые, пользуясь растущим влиянием семьи Юань, сеяли смуту. Бай Цзыцин давно уже не решался думать об Ин Цане, боясь, что сойдёт с ума раньше, чем падёт дом Бай.

Возможно, это была последняя милость Ин Цаня — только в этот день он узнал, что Бай Шу скончался дома три дня назад.

— Дом Бай уже опечатан властями, принцесса Чанпин милостиво разрешила переехать в монастырь Линьинь в Чанчжоу. Кроме уже вышедших замуж сестёр и второго сына, все остальные будут сосланы в Яньчжоу...

<http://bllate.org/book/16479/1496825>